

ПЕССИМИЗМ: СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЛОГИКИ МЕСТА И ВРЕМЕНИ *

Реконструируется российская символическая политика с точки зрения дискурса пессимизма. Непосредственным предметом исследования являются пессимистические символические логики, связанные с временным и пространственным измерениями. Автор показывает, что пессимизм прямо связан с трансляцией основными политическими акторами дискурсов прошлого, которое в политическом языке безусловно доминирует над дискурсами настоящего и будущего. Анализ политических символических конструкций, использующих различные характеристики места (пространства), позволяет сделать вывод, что апелляция к наличию объективных, препятствующих прогрессивным изменениям пространственных факторов является доминирующим трендом как в официальной пропаганде, так и в символической политике оппозиции.

Ключевые слова: символическая политика, социальные пространство и время, пессимизм, пропаганда, власть и оппозиция.

Проблемы символической политики, роли символа и знака в политике были поставлены и активно решались в прагматическом русле уже в середине XX в. Причем эти постановки проблем вполне адекватно отвечали теоретическим вызовам, сформулированным и ранее, и в это время М. Фуко, Р. Бартом, Э. Кассирером, П. Бурдьё, Ж. Бодрийяром и др. В частности, Р. Барт прямо ставил вопрос о войне языков, формируемых властью и «вооружающихся» вне нее [1989]. В «ответ» политик-практик М. Рокар в середине 80-х, например, отмечал: «Перегибы в области национализации и приватизации, допущенные обеими сторонами, в значительной мере объясняются тем, что эти слова приобрели значение символов» [1990. С. 144]. При этом М. Рокар не призывал к завоеванию языковых символов, но, наоборот, высказывал опасения в связи с быстрым внедрением символов в общественную жизнь [Там же]. Был или не был

знаком М. Рокар с определением человека, данным в свое время Э. Кассирером, как «animalsymbolicum» [1988. С. 30], нам не известно. Во всяком случае политики проблеме видели.

В той или иной форме вопросы символической политики изучались и в России. В настоящее время существуют интересные исследования, посвященные данной проблематике в ее сопряжении с языком (см., например: [Мартьянов, 2006]), с массовыми эмоциями, ценностями (см., например: [Фишман, 2006]), проблемами идентичности (см., например: [Малинова, 2010]), мифологией (см., например: [Щербинина, 2002] и др.). При этом до сих пор практически вне поля зрения исследователей остается большинство вопросов, связанных с реконструкцией символических логик, сознательно или нет используемых основными политическими акторами. В том числе вне теоретической реконструкции остаются самые прин-

* Работа выполнена при финансовой поддержке реализации совместного проекта УрО РАН № 12-С-6-1003 и проекта партнерских фундаментальных исследований Президиума СО РАН (конкурс Б) № 26 (совместный проект Института философии и права УрО РАН и Института философии и права СО РАН «Новые парадигмы социального знания»).

ципиальные символические логики, определяющие основные параметры как массового, так и элитного сознания.

Одна из принципиальных доминант общественного сознания современной России – пессимизм. Неверие в будущее России, в возможность «что-либо изменить», в «нормальную жизнь» и т. д. – общее место в суждениях обыденного характера, аналитических заключениях, экспертных диагнозах. Пессимизм стал частью массового дискурса, в том числе «благодаря» как властной, так и оппозиционной символической политике. Пессимизм проявляется в самых разных символических логиках, в разнообразных языковых формах, в различных настроениях. Символические измерения пессимизма многообразны. Можно, например, говорить о национальном, персональном, экономическом и иных измерениях существования пессимизма. Задача данной статьи – анализ пессимистических символических логик, связанных с временным и пространственным измерениями.

Символические логики времени

Время и пессимизм связаны многосложно и многообразно, но, пожалуй, существуют три основные символические корреляции, соответствующие трем измерениям: прошлому, настоящему и будущему. Соответственно, обнаружить символы пессимизма или, напротив, оптимизма можно, исследовав массовидные ответы на три принципиальных вопроса, связанных с временем: Что есть настоящее? Как настоящее соотносится с прошлым? Когда будет лучше / хорошо?

Сюжет первый – настоящее. Определить отношение к настоящему можно различными способами. Самый распространенный способ – исследование удовлетворенности жизнью. Полученные ответы вполне можно интерпретировать в русле позитивных / негативных оценок существующего, настоящего. Правда, часто оказывается, что удовлетворенность жизнью имеет весьма косвенное отношение к уровню жизни, а по большому счету к прогрессу, к социальной перспективе. Удовлетворенность жизнью может быть не связана ни с уровнем образования, ни с характером труда. Необразованный пожилой паупер, занятый в традиционном секторе экономики,

может быть более доволен своей жизнью, чем молодой образованный представитель «среднего класса», работающий в секторе IT-технологий. В итоге исследователи часто сталкиваются со своеобразными парадоксами, которые можно обозначить как ретроградный оптимизм и прогрессивный пессимизм.

Намного любопытнее и перспективнее выяснение не только и не столько удовлетворенности респондентов условиями своего существования, но и определение того, а что есть по сути настоящее, какое отношение оно имеет к норме и, соответственно, к отклонениям от этой нормы, измеряемым с помощью характеристик времени.

Так вот, норма в массовом сознании часто не имеет никакого отношения к настоящему. До сих пор и в Полевском, и в Нижнем Тагиле, и в Екатеринбурге, и в Москве нормальная жизнь в принципе воспринимается как мечта. Например, чистые дороги не норма, а мечта. Отсутствие пробок в крупных городах – также мечта. Чистая водопроводная вода – волшебная сказка. Отсутствие очередей в сберкассах, ОВИРе и регистрационной палате – «1 000 и 1 ночь». Соблюдение закона чиновниками... это вообще из разряда чудес. «Мы хотим нормальной жизни», «Мы хотим нормальных дорог» и т. д. – одни из самых распространенных слоганов-требований в период выборов. Таким образом, символические логики власти, фиксируемые во властной риторике, предполагают один вывод – живи «как придется», мечтая о недостижимой банальной нормальности. Недостижимость нормы есть, пожалуй, самое прочное основание социального пессимизма.

В этой же логике прошлого, логики нормы, обращенной в будущее, находится вся риторика, связанная с «популярным» нижегородским движением «В защиту человека труда» в период президентской кампании 2012 г. Вся фразеология, символика проекта откровенно из XIX – первой половины XX в. Что говорят авторы и лидеры проекта:

- настоящая жизнь – жизнь простого человека;
- простой человек – человек с завода, т. е. рабочий, заводчанин, мужик («Путин – хороший мужик», «Мы с мужиками ...»);
- простым мужикам противостоят «продвинутые» бездельники, митингующие;

- рабочие хотят работать, а «продвинутые» борются за свои права;
- «продвинутые» не могут понять «заводчанина»;
- «заводчане» хотят стабильности, а «продвинутые» развалить Россию, и т. д.¹

В итоге налицо логика индустриального века, стагнации, пролонгации индустриальной нормы в будущее, критики «продвинутости» (фактически образованности), энтузиазма, долга, наказания, патернализма и т. п. Нормой становится завод, фабрика прошлого века.

Таким образом, дискурс прошлого, сделав прошлое нормой, превращает настоящее в идеал, а идеал, т. е. сверхнормативное, будущее – в недостижимую утопию. Такие символические перемещения во времени сказываются и на особенностях языка. Более того, закрепляются в нем, рождая новые символические логики. Например, В. Новиков в своем «Романе с языком» вполне резонно замечает: «В Западной Европе слова “норма”, “нормально” значат нечто обычное, стандартное, среднее. У нас же норма – это либо заведомо недостижимая (и притом нередко бессмысленная) цель типа “Трезвость – норма жизни”, либо завидная редкость, удача. Недаром в молодежном жаргоне словечко “нормальный” означало в шестидесятые годы “отличный, превосходный”». И далее: «Нормальными в России считались привилегированные, т. е. те, кто имел элементарный, средний комфорт – нормальная трехкомнатная квартира, нормальная колбаса и т. д.». Соответственно: «Жить же “как все”, “на общих основаниях” – это для уважающей себя личности всегда было не “нормой”, а аномалией, деградацией, поражением» [Новиков, 2001. С. 27–28].

Аналогичная ситуация в политике, где смешение времен и, в частности, замещение идеала нормой приводит, например, к возможности алогичной аргументации с помощью апелляции к отстоящим во времени событиям, никак не связанным с современной ситуацией. Устойчивый оборот «во всем виноват Чубайс» легко «объясняет» все проблемы сегодняшнего дня. А отсылка к «лихим 90-м» и либералам-реформаторам

позволяет «исчезнуть» из памяти целому последующему десятилетию.

В условиях символической недостижимости нормальной жизни, стратегическое развитие страны или отдельной территории, ориентация на сверхнормальные, действительно амбициозные цели и задачи есть единственный способ сломать стагнационные тенденции, преодолеть силу привычки жить в «донормальном» состоянии, отказаться от дискурса прошлого и символических логик пессимизма, в пользу дискурсов стратегии и будущего.

Сюжет второй – прошлое. Еще одна символическая логика, закрывающая будущее и стимулирующая пессимизм, точно описана буквально в нескольких строках М. Лермонтова:

Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри – не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы!

В переводе с «поэтического»:

- наши деды и прадеды творили великие дела;
- мы должны быть достойны их, т. е. пока до них явно не дотягиваем;
- жизнь у них была трудная, т. е. и мы можем и должны потерпеть;
- в их жизни были ошибки, но акцентировать на них внимание не стоит, а нужно говорить только о позитивном и величии нашего прошлого.

Именно в этой логике разворачивается все официальная пропаганда, связанная с победой в Великой Отечественной войне, с реабилитацией И. Сталина и сталинизма, и т. д. В этих логиках скрывается ностальгия по «великой России» и транслируются смыслы «России, поднимающейся с колен». В быту также приходится встречаться с аналогичными рассуждениями. Например, весьма распространены в учительско-преподавательской среде сетования на то, что «ученик пошел не тот», «вот раньше студенты были» и т. д. Но по факту, по результату все это есть проявление жесточайшего пессимизма, неверия в перспективы социума и государства и недоверия к власти. Закономерное следствие этого пессимизма –

¹ Ленда А., Холманских И., Якушев В. Рабочий класс Урала! Трудовой народ России! URL: <http://uvz.ru/news/3/128>

социальная апатия. И тут уж властной пропаганде стоит выбирать: либо транслировать логику пессимизма, обеспечивать контроль и загонять массовое сознание в тупики прошлого и нормы, а потом сетовать на безынициативность масс, либо в корне менять пропагандистский вектор.

Фактически речь идет об отнесении официальной пропагандой «золотого века» величия страны в прошлое. Но при общем консенсуальном понимании того, что прошлое вернуть невозможно, оказывается, что сама пропагандируемая цель «вернуть», «возродить», «стать достойными памяти» и т. д. продуцирует пессимизм.

Сюжет третий – будущее. Здесь все достаточно просто. Нужно лишь задать пару вопросов при проведении любого социологического исследования. Вопрос первый: когда в России станет лучше? Вопрос второй: когда в России случится кризис (иное негативное явление)? Ответы очевидны. Благополучное будущее относится в «прекрасное далеко». Негативное будущее ожидается в ближайшее время. Причем такие установки возникли не сегодня и не вчера. Вот, к примеру, данные одного из исследований 2002 г. В. Касамары и М. Урнова. Большинство молодых респондентов ожидают наступления желаемого будущего через 50 лет, хотя встречаются и оптимисты, и радикальные пессимисты [2005. С. 200]. Люди среднего возраста в ответах дают разброс от 30–40 до 200 лет. Причем в крупных городах оптимизма больше [Там же. С. 211]. Наконец, респонденты старших возрастов вновь чаще всего называют сроки до 50 лет [Там же. С. 221].

На наш взгляд, за прошедшие 10 лет пессимистические логики, проявляемые в дискурсе времени, только усилились. На практике люди, закономерно стремящиеся к округлению сроков наступления желаемого будущего, называют три временных периода: 50, 100 лет и никогда. Причем число последних, по наблюдениям, в последнее время только растет.

Факультативно заметим, что частным случаем проявления «темпорального» пессимизма являются не квантифицированные утверждения: «Мы не доживем. Надеемся, что дети доживут», «Нам уже не удастся, лишь бы дети дожили» и т. д., и т. п. Определенное безразличие к собственной жизни и озабоченность перспективами у детей и

внуков вполне вписывается с символическую логику пессимизма и становится ее проявлением.

Символические логики места

Логика пессимизма не могла не проявиться в оценке места, территории нахождения (проживания) оценивающего. Любой человек вынужден сравнивать свое место нахождения, пребывания или проживания и то, из которого он приехал, в котором был или о котором он знает. Объект сравнения может быть далеко, а может быть и совсем рядом. В этом другом месте сравнивающий может быть когда-то лично, а может лишь слышать о нем.

Восприятие места, его символическая интерпретация естественным образом связана с восприятием конкретных деревни, поселка, города, страны, государства, но не совпадает с ним. Если символическая интерпретация населенного пункта или страны, государства предполагает отношение к власти, к доминирующим ценностям и иным социальным характеристикам, то символика места более связана с такими понятиями, как протяженность, граничность, климат, географическое расположение и т. п.

В этой связи символические логики места могут оказаться гораздо более значимыми в контексте проблемы соотношения оптимизма и пессимизма. Например, можно как угодно сильно быть привязанным к родному Билибино в Чукотском АО, жить и выживать, не обращая внимание на социальные проблемы в этом самом дорогом поселке страны, где закрываются последние предприятия, но пессимистические логики места, о которых человек не может не знать, которые не могут не воспроизводиться, все равно будут присутствовать: климат, оторванность от «большой земли», пограничность и т. д. Другими словами, характеристики места часто имеют более фундаментальное значение для формирования общего настроения, символических логик пессимизма или оптимизма, чем все иные.

Приведем простой пример. Факт, известный всем, – Россия владеет самой большой территорией в мире. Этот факт, соответственно, закономерно транслируется через вполне понятные смыслы: это наше достояние, это наше богатство, на него претендуют

соседи и / или враги, его нужно охранять и т. д. Восприятие страны как чего-то огромного и своего формируется с детства. Причем это свое насколько велико, что часто не поддается даже банальному заучиванию. Едва ли найдется сколько-нибудь большой процент выпускников школ (впрочем, и взрослых), способных назвать все субъекты РФ. И это не поддающееся обыденному восприятию свое, но едва ли родное, закономерно порождает тревожность, становится основанием для военизированных логик. Это свое, которое в силу величины практически невозможно благоустроить, нужно оборонять, защищать, охранять. Не преумножение, но охрана. Особенно остро логики охранительства, но не прогресса, заметны в периоды централизации власти и уничтожения федеративных институтов, что вполне закономерно и объяснимо. Итак, через ряд логических цепочек величина занимаемой площади трансформируется в символику великой державы, опосредованную логикой неизбежности борьбы за собственную территорию. Обреченность на оборону, на войну, что может быть пессимистичнее?

Естественно, что величина территории вполне может быть основанием и для оптимистических символических логик, но, когда по факту самая большая по площади, интерпретируемая как самая великая, оказывается не самой приспособленной для жизни, оптимистические логики проигрывают. В лучшем случае оптимизм оказывается обращенным в неопределенно далекое будущее. Например, когда будет перенаселение, то тогда России «повезет». Или когда в мире закончится пресная вода, то тогда Россия «вспрянет ото сна»... и т. д.

Кроме того, налицо попытка власти оправдать «недостатки», объяснить существование «неразрешимых» социальных, экономических проблем с помощью разнообразных объективных, в том числе пространственных, логик. Самый распространенный прием оправдания: Россия никогда не станет такой же, как развитые страны, ибо в России более жесткие климатические условия. Именно эта логика воспроизводится, например, в получившей широкую аудиторию книге А. Паршева «Почему Россия не Америка» [2001]. Именно эта логика транслируется властями всех уровней при объяснении самых разных проблем. От глобаль-

ных до самых мелких. Например, климатическими условиями оправдывают завышенную стоимость жилищного или дорожного строительства, низкое качество дорог, грязь на улицах, высокую смертность и т. д. Климат такой, а потому... Если же рассуждать логично, то следует продолжить: изменить климат невозможно, следовательно, проблемы решены не будут, а потому Россия обречена жить не так, как развитые страны. И это «не так» в подавляющем количестве случаев трактуется не в пользу России даже в случае признания ее «особости», «уникальности», «неповторимости» и т. д.

Существуют более частные случаи оправдательной и объективно пессимистической логики А. Паршева. Из этого ряда, например, теория «ресурсного проклятия», суть которой в неизбежности технологического и иного отставания в странах, имеющих значительные природные ресурсы, прежде всего нефть и газ. В итоге закономерен вывод: «Страна, которая имеет нефть, на нефти живет, обречена до тех пор, пока...». Продолжения утверждения разнятся, но первой части умозаключения вполне достаточно для того, чтобы породить и транслировать пессимизм.

Любопытно, что эти логики с равной активностью воспроизводятся как властью, так и оппозицией. При этом предложения реформирования, модернизации экономики смотрятся на фоне апелляций к объективному и доминирующему фактору наличия ресурсов объективно факультативными.

Венец проявления пессимизма в оценке места – оценка желательности / необходимости / оправданности миграции из России. Логика власти и оппозиции на первый взгляд противоположны. Логика оппозиции основывается на обвинении, критике власти, из которой следует вывод об оправдании миграции. При этом предполагается, что там, куда и идет миграция, лучше, стабильнее и богаче. Логика власти, напротив, связана с критикой оппозиции, как подкупленной некими зарубежными агентами, и оценкой ситуации в западных странах, как непригодной, неподходящей для жизни «наших» людей. На одной из встреч Д. Медведев показательно заявил: «У меня была в дипломе одна четверка, но я никуда не уехал, хотя можно было отвалить». И добавил: «Если хотите уезжать – уезжайте. <...>

Вы еще не знаете, что там, оттуда тоже люди едут» [Зинченко, Шароян, 2012].

Разнонаправленные логики сошлись в одном – в трансляции пессимистических логик. Оппозиция фактически признает свою слабость в сравнении с властью, с которой ничего не может сделать и тем обосновывает миграционные устремления. Власти нечего сказать о российских преимуществах в сравнении с другими, а потому остается лишь критиковать страны-«оппоненты». В итоге Россия предстает в логиках и власти, и оппозиции как место, пригодное для проживания в меньшей степени, чем, например, Европа.

В последние 10 лет число российских эмигрантов растет. Их количество сопоставимо с послереволюционной миграцией, с миграцией так называемой «первой волны». Причем, идеологические основания современной миграции имеют минимальное значение. Намного большую роль играют мотивы пессимизма, неверия в возможности позитивных экономических и политических изменений в России. На этом фоне трансляция пессимистических логик и смыслов при проведении символической политики со стороны власти выглядит «оправданной» только в одном случае – при наличии более принципиальных символических и реальных мотивов, в качестве которых просматривается стремление к самооправданию и удержанию власти. Именно этим можно объяснить все властные символические кон-

струкции, подкрепляемые апелляциями к наличию объективных, препятствующих прогрессивным изменениям пространственных факторов, и использование связанной со временем риторики, благодаря которой позитивное будущее оказывается максимально иллюзорным.

Список литературы

Барт Р. Война языков // Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 535–540.

Зинченко Г., Шароян С. Медведев на журфаке: «Если хотите уезжать – уезжайте» // Forbes. 2012. 25 янв. URL: <http://www.forbes.ru/sobytiya/vlast/78729-medvedev-na-zhurfake-rabota-nad-oshibkami#comments>

Касамава В., Урнов М. Современная Россия: вызовы и ответы. М.: ФАП «Экспертиза», 2005. 240 с.

Кассирер Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 3–30.

Новиков Вл. Роман с языком. Три эссе. М.: Арграф, 2001. 320 с.

Паршев А. Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остается здесь. М.: Крымский мост-9Д, Форум, 2001. 416 с.

Рокар М. Трудиться с душой. М.: Междунар. отношения, 1990. 344 с.

Материал поступил в редколлегию 02.07.2012

K. V. Kiselev

PESSIMISM: THE SYMBOLIC LOGICS OF SPACE AND TIME

The article provides a reconstruction of Russian symbolic politics from the viewpoint of the discourse of pessimism. The immediate research object is pessimistic symbolic logics related to time-like and space-like dimensions. The author shows that pessimism is concerned with the translation by main political actors of discourses of the past which certainly dominate over discourses of the present and future in the political language. The analysis of political symbolic constructions with different characteristics of location (space) allows to make the conclusion that an appeal to the existence of the objective space impeding the progressive changes is the dominant trend both in the official propaganda and symbolic politics of the opposition.

Keywords: symbolic politics, social space and time, pessimism, propaganda, government and opposition.